

Дело I

Скандал в Богемии

I

Для Шерлока Холмса она всегда была «Этой Женщиной». Я почти не слышал, чтобы он называл ее как-либо иначе. Как он считал, она превосходила всех представительниц своего пола, находилась на недостижимой для других женщин высоте. Нет, никаких нежных чувств к Ирен Адлер, тем более любви, он не испытывал. Любые подобные чувства были чужды его холодному, точному, выверенному и идеально сбалансированному разуму. Мне сам Холмс представлялся скорее эдакой логической мыслительной машиной, лучшей из когда-либо существовавших на земле, но уж никак не пылким влюбленным. Он никогда даже не говорил о сердечных делах, а если и говорил, то только с насмешкой, подтрунивая над собеседниками. Надо сказать, что сама по себе страсть как явление для моего друга была весьма необходимым фактором для объяснения поступков того или иного человека, понимания их мотивов. Однако опытному логичу допустить вторжение этого чувства в собственный разум, в свой внутренний мир означало бы вывести из строя тончайший инструмент, требующий в обращении хирургической точности, что могло бы нарушить результаты его работы. Какая-нибудь трещинка в одной из его мощных линз или песчинка в чувствительном измерительном приборе не причинили бы Холмсу столько волнений и тревоги, сколько вызвало бы сильное чувство, вдруг всколыхнувшее его душу. И все же существовала женщина, которую он считал особенной,

и этой женщиной была Ирен Адлер, особа весьма сомнительной репутации.

Последнее время я редко виделся с Холмсом. Моя женитьба отделила нас друг от друга. Счастье, в которое я окунулся с головой, да и домашние заботы, возникающие у мужчины, когда он впервые обзаводится собственной семьей, поглотили все мое внимание. Холмс же, богемный дух которого противился любым формам светского общества, остался в нашей квартире на Бейкер-стрит, закопался в старые книги и мог неделями доводить себя кокаином* до полусонного состояния. Это состояние чередовалось у него с бурными всплесками неимоверной энергии, присущей его жаждущей действий натуре. Его по-прежнему привлекали исследование и разгадка преступлений. Все свои огромные способности и выдающееся умение делать выводы он употреблял на то, чтобы находить и связывать оборванные нити, распутывая тайны, которые оказывались не по зубам полицейским сыщикам из Скотленд-Ярда. Время от времени до меня доходили кое-какие слухи о том, чем он занимался: о его поездке в Одессу в связи с убийством Трепова*, о том, как он раскрыл загадочную трагедию братьев Аткинсон из Тринкомали*, наконец, о том, как блестяще и деликатно справился он с поручением, полученным от королевского дома Голландии. Однако, помимо этих признаков активности, о которых я, как и остальные читатели, узнавал из ежедневных газет, я мало что слышал о своем друге и бывшем соседе.

Однажды вечером, а именно двадцатого марта 1888 года, я возвращался от пациента (я тогда снова взялся за частную практику) через Бейкер-стрит. Проходя мимо столь знакомой двери, которая всегда будет напоминать мне о том дне, когда я впервые повстречал свою будущую жену, и о мрачных обстоятельствах дела, описанного в «Этюде в багровых

тонах», я вдруг ужасно захотел вновь увидеть Холмса и узнать, чем занят сейчас этот удивительный человек. В его комнате горел яркий свет, и я, пока стоял задрав голову, даже пару раз увидел его длинный узкий силуэт, промелькнувший за спущенной шторой. Он расхаживал по комнате, низко опустив голову и заложив за спину руки, и мне, человеку, досконально знающему все его привычки, сразу стало ясно: Холмс опять занят работой. Он вырвался из наркотического плена и снова взялся за какое-то загадочное дело. Я позвонил, и меня проводили наверх, в комнату, которая когда-то принадлежала и мне.

Увидев меня, он не рассыпался в приветствиях, да это вообще случалось с ним крайне редко, но все же, как мне показалось, обрадовался. После короткого приветствия он указал мне на кресло, бросил мне портсигар и кивнул на буфет с бутылками и сифон, стоящие в углу. Потом встал у горящего камина и окинул меня пронизательным взглядом.

— Семейная жизнь пошла вам на пользу, Ватсон, — сказал он. — Вы набрали семь с половиной фунтов с того дня, когда я видел вас последний раз.

— Семь! — поправил его я.

— Да, действительно. Нужно было мне еще чуть-чуть подумать. Самую малость. Вы, я вижу, снова практикуете. Ватсон, а вы не говорили мне, что собираетесь снова взяться за работу...

— Тогда как вы об этом догадались?

— Увидел и сделал выводы. Вот как, по-вашему, я узнал, что недавно вы сильно промокли и что ваша служанка — очень нерасторопная и легкомысленная особа?

— Дорогой Холмс, — сказал я, — это уж слишком. Если бы вы жили несколько веков назад, вас бы точно сожгли на костре. Я, действительно, в четверг выезжал за город

и вернулся домой с ног до головы в грязи, но, поскольку я сменил всю одежду, мне в самом деле непонятно, как вы могли об этом догадаться. А что касается Мэри Джейн, она просто безнадежна, и моя жена уже не раз делала ей замечания, но скажите, ради Бога, как вы-то об этом узнали?

Он, тихонько посмеиваясь, соединил перед собой кончики длинных нервных пальцев.

— Что может быть проще, — сказал он. — Я вижу на внутренней стороне вашего левого ботинка, как раз на том месте, куда падает свет от огня в камине, три параллельных царапины. Наверняка они появились в результате того, что кто-то неаккуратно счищал грязь, налипшую вокруг подошвы. Отсюда и следует двойной вывод: во-первых, вы были на улице в ненастную погоду и, во-вторых, ботинки вам чистит крайне недобросовестный представитель лондонской прислуги. Что же касается вашей практики, то, если ко мне в комнату входит человек, пропахший йодоформом, с черным пятнышком ляписа на указательном пальце правой руки и с шишкой на правой стороне цилиндра, где он прячет свой стетоскоп, я был бы настоящим тупицей, если бы не сообразил, что передо мной — врач, активно занимающийся своими прямыми обязанностями.

Я не мог не рассмеяться, слушая, с каким простодушным видом он объяснил мне ход своих мыслей.

— Знаете, когда вы рассказываете, — заметил я, — все кажется настолько простым, что я не понимаю, как я сам до этого не додумался. Увы, но и в следующий раз я точно так же ничего не буду понимать до тех пор, пока не услышу ваше объяснение. И это несмотря на то, что глаза у меня не хуже ваших.

— Это верно, — согласился он, закуривая сигарету и усаживаясь в кресло. — Дело в том, что вы смотрите, но не замечаете. Между этими понятиями огромная разница. Вот,

например, вы много раз видели лестницу, ведущую из холла в эту комнату, да?

— Да.

— Сколько раз?

— Ну, наверное, несколько сот.

— Скажите, сколько там ступенек?

— Ступенек? Не знаю.

— Вот видите! Этого вы не заметили, хоть и смотрели на лестницу бесчисленное количество раз. Вот к чему я веду. Ну, а я знаю, что ступеней семнадцать, потому что я и смотрел, и замечал. Кстати, раз уж вас интересуют подобные вещи настолько, что вы взяли на себя труд описать некоторые из моих небольших приключений, может быть, вам будет интересно и это дело, — указал он на сложенный лист плотной розовой бумаги, который лежал на столе. — Это пришло с последней почтой, — добавил Холмс. — Прочитайте вслух.

На письме не стояло ни даты, ни имени, ни адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь, — говорилось в нем, — вас посетит джентльмен, который хотел бы услышать ваш совет по одному чрезвычайно важному делу. Услуги, которые вы недавно оказали одной из королевских фамилий Европы, показали, что вам можно доверять дела исключительной важности. Такой отзыв о вас все источники нам дают. Ждите в своей квартире в обозначенное время и не удивляйтесь, если ваш посетитель будет в маске».

— Действительно, загадка какая-то, — заметил я, прочитав письмо. — Что, по-вашему, это значит?

— У меня пока нет данных. Делать выводы, не имея данных, — грубая и частая ошибка. Так постепенно человек приходит к тому, что начинает подгонять факты под уже существующие выводы, вместо того чтобы делать выводы из фактов. Но давайте посмотрим на само письмо. Какие выводы вы можете сделать, прочитав его?

Я внимательно всмотрелся в почерк, оценил бумагу.

— Тот, кто его написал, — сказал я, пытаясь мыслить по-холмсовски, — человек скорее всего не бедный. Пачка такой бумаги стоит не меньше полкроны. Она необычно прочная и плотная.

— Слово «необычная» больше всего подходит для этого случая, — сказал мой друг. — Эта бумага изготовлена не в Англии. Посмотрите через нее на свет.

Я сделал то, что он просил, и увидел водяные знаки в виде букв. Сначала большая «Е», рядом с ней маленькая «g», далее «Р» и за ней большая «G» и маленькая «t».

— Что это, по-вашему? — спросил Холмс.

— Имя изготовителя, несомненно. Вернее, его монограмма.

— Ошибаетесь. Прописная «G» со строчной «t» означают слово «Gesellschaft», «компания» по-немецки. Это стандартное сокращение наподобие нашего «К^о». Далее. «Р», разумеется, от слова «Papier». Теперь «Eg». Заглянем в географический справочник. — Он снял с полки увесистый том в коричневой обложке. — Так. Посмотрим, что у нас есть. Eglow¹, Eglonitz... Нашел! Egria. Это небольшая германоязычная местность в... Богемии*, недалеко от Карлсбада*. Почитаем: «Известна многочисленными расположенными на ее территории стекольными заводами, бумажными фабриками и тем, что именно здесь погиб Валленштейн»*. Ха-ха, замечательно. Что вы на это скажете? — Глаза Холмса вспыхнули, с торжествующим видом он выпустил из сигареты огромное сизое облако дыма.

— Бумага изготовлена в Богемии, — сказал я.

¹ Eglow — Еглов — маленький остров на Онежском озере рядом с островом Кижы в Карелии (Россия). (Здесь и далее примеч. пер. Значком * отмечены слова, поясняемые в комментариях в конце книги.)